

что убит был и „дикий половцин“ — Севенча Бонякович, тот самый, „иже бяшеть рекл: «Хоцю сечи в Золотая ворота, якоже и отець мой»“ (стр. 299): здесь это пояснение „иже бяшеть рекл“ — знак, что летописец действительно точно воспроизвел слова этого половчина, в свое время, очевидно, обратившие на себя внимание и повторявшиеся.

Той же документальностью характеризуется и встречающийся в летописных рассказах диалог; он, как правило, так же деловит, конкретен и фактичен, как и речь монологическая. Наиболее обычная для Киевской летописи форма диалога — взаимообмен посольскими речами; диалог ведется не непосредственно, а при помощи посредников — послов. Под 1174 г., например, читаем: „Вниде Ярослав (Изяславич) в Киев и седе на столе деда своего и отца своего. Святослав (Всеволодич) же поча слати к Ярославу с жалобою, река ему: «На чьем еси целовал крест, а помяни первый ряд; рекл бо еси, оже я сяду в Киеве, то я тебе наделю, паки ли ты сядеши в Киеве, то ты мене надели; ныне же ты сел еси, право ли, криво ли, — надели же мене». Он же поча ему молвити: «Чему тебе наша отчина? Тобе си сторона не надобе». Святослав же поча ему молвити: «Я не угрин, ни лях, но одного деда есмы внуци, а колко тебе до него, толко и мне; аще не стоишь в первом ряду, а волен еси»“ (стр. 393). И этот диалог и аналогичные ему в Киевской летописи — прямое отражение практики княжеских взаимоотношений в XII в.; не всегда имея возможность лично договариваться, князья постоянно общались между собою при помощи своих доверенных лиц, порою даже в том случае, когда находились друг от друга на расстоянии двух шагов, — например, Изяслав Мстиславич и Ростислав Юрьевич, как рассказывает об этом летописец под 1149 г.: оба князя находились на одном и том же острове, „противу святому Михаилу у Выдобыча“, но переговоры вели не лично, а при помощи „мужей“ Изяслава (стр. 261—262). Такие официальные посольские речи обычно запоминались и воспроизводились летописцем с большой точностью.

Конечно, нельзя утверждать — положение Д. С. Лихачева в этом пункте нуждается в поправке, — что речи, будь то монолог или диалог, всегда вносились в летопись буквально, слово в слово, не подвергаясь даже легкой переработке летописца. Следы такой переработки иногда проступают весьма отчетливо.

Нередко излюбленная автором формула, не раз у него встречающаяся, по инерции переходит и в прямую речь, т. е. усваивается другому лицу. Так, например, у автора — биографа Изяслава Мстиславича — есть своя излюбленная формула: „и сила животворящего креста“; встречается она у него не раз и по разным поводам (стр. 233, 238, 255, 259, 293, 303, 317, 318); ту же формулу находим у него и в прямой речи: „а с ними како ми бог даст и сила животворящего креста“ (стр. 230), „надеяся бозе и силе животворящего креста“ (стр. 234), „да буди со мною бог и сила животворящего креста“ (стр. 245), „святая богородица и сила животворящего креста приведе ны в здоровьи в Киев“ (стр. 255) и проч.